

Н. В. КАРЛОВ,

член-корреспондент Российской Академии наук, лауреат Государственной премии СССР, доктор физико-математических наук, профессор, председатель Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации, ректор Московского физико-технического института

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В БЛАГОДЕНСТВИИ НАРОДА И ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Россия по сути своей самопримерна и самобытна. Ее самостояние (я сознательно использую пушкинский пронзительный образ — “самостоянье” человека) невозможно без самообращения к себе самой, без самоуглубленного, самосогласованного самоопределения. Только так, всемерно избегая самовлюбленности, самолюбования и самодовольства, может воссоздать Россия подобающие ей как великой державе самодостаточность и самодержавие.

Оговорюсь сразу. Рассуждая в России о самодержавии, надлежит быть осторожным. К сожалению, слово это имеет у нас дурную славу. Историческая память народа, точнее историческая память его интеллигенции, хранит в себе и от случая к случаю публично воспроизводит весьма недоброе отношение к неудачному, скажем мягко, опыту государственного управления последнего активного Рюриковича (Иван Васильевич Грозный) и последнего Романова (Николай II), которые были, надо признать, самодержавны принципиально, самодержавны не только в своей практике, самодержавны во всем строе своего нравственного чувства и своего разума. Результат известен.

В живом языке живого народа слова меняют смысл, теряют одно эмоциональное звучание, приобретают другое, то тускнеют, то расцветают вновь. Но сакральная сила слова определена изначально его исходным значением. “В начале было Слово”.

Составной характер слова “самодержавие” очевиден. Рассмотрим сначала корневую по значению составляющую этого слова — “державу”. По В. Даля, “держава” — это уход, забота, крепость, сила, прочность, твердая связь, надежность в скрепе, владычество, могущество, земля, государство, народ и правительство его. По М. Фасмеру слово “держава” через глагол “держать” (старославянское “дръжж”) восходит к латинскому fortis — твердый, стойкий, крепкий, сильный, мужественный, отважный, храбрый.

И Даля, и Фасмера подкрепляет “Словарь древнерусского языка” И. И. Срезневского, выписками из светских летописей и духовной литературы доказывающий многозначность термина “держава” и приводящий значения: поддержка, основание, власть, сила, правление, управление, владение, государство, подвластные, народ.

В свою очередь и современный “Словарь русского языка XI—XVII вв.” разъясняет слово “держава” (държава, дръжава, дъръжава) набором почти тех же значений — владычество, сила,

могущество; власть, правление; золотой шар с крестом наверху, служащий эмблемой власти; удел, княжество, владение; страна, государство. Первое письменное упоминание слова “держава” отнесено в Радзивилловской летописи к 988 году, где оно употреблено в значении “сила и могущество”. Прелестна выписка из “Моленья Даниила Заточника” (XIII в.): “Тело крепится жилами, а мы, княже, твоею державаю”.

Итак, держава. Держава в смысле государственном, органичном надежной силе и крепости устоев. Обращаясь к государственному, легко видеть, что в этом смысле термин “держава” и шире, и старше понятия “государство”.

Само по себе слово “государство” прекрасно. Очевидна цепочка государство — государь — господарь — господин, восходящая к латинскому, а, значит, арийскому *hospes*, родительный падеж *hospites* — хозяин; хозяин, предоставляющий гостеприимство (ср. англ. — *host, hospitality*). Хотя термин “государь” в значении “владелец, хозяин” известен в древнерусской литературе с XII века, его значение “верховного владетеля” проявляется только в XV веке. Тогда же впервые возникает и “государство” как слово, обозначающее страну, землю, правление и царствование, — в духовной митрополита Киевского и всея Руси Фотия, кафедру свою имевшего, однако, в Москве (1431).

“Государство” — термин, несомненно, более общий, чем “царство” или “королевство”, которые восходят к именам собственным — Цезарь и Карл (Великий), а также “княжество”, восходящее к “князю” — родовому вождю варяжских племен.

Государство как хозяйство — термин более богатый по сравнению с англо-саксонским *state*, германским *Stadt* или французским *L'état* (вспомним знаменитое “*L'état c'est moi*” — “Государство — это я” Людовика XVI), обозначающими и государство, и состояние в квантово-механическом смысле. Тут просматривается общеарийский корень глагола “стоять”, по сути видна некая статика, статичность, то есть застой.

Русское слово “государство” интереснее, шире и богаче своих западноевропейских эквивалентов, ему как бы равнозначных. Но слово “держава” еще крупнее, еще значительнее, еще весомее.

Возвратимся к самодержавию. Что привносит сюда приставка “само”, что она означает? В Ожеговском орфографическом словаре свыше 350 словесных позиций начинаются с этой приставки. “Словарь русского языка XI—XVII вв.” дает свыше 300 соответствующих словарных статей, содержащих разъясняющие суть дела выписки из древних текстов. Всякое слово живого языка имеет ту или иную эмоциональную окраску. Словоупотребление не безразлично. Мы сознательно или подсознательно (что еще сильнее) выбираем и в живой речи, и на письме из множества синонимов или почти синонимов те слова, которые выражают (или скрывают) наше отношение к обсуждаемому предмету. Справедливость этого утверждения особо очевидна по отношению к такому корню, как “сам”. Фасмеровский словарь доказывает очевидное — арийское происхождение этого слова. Объяснять его нет нужды. А вот оценка его зависит от того, с чем оно сопряжено, что, собственно, идет само собой, так сказать, автоматически, или что исходит от чего-то (кого-то) одиночного или же, напротив, приходит к чему-то (кому-то) одиночному, уникальному.

То, с чем комбинируется корень “сам”, образуя составное, сложное слово, и определяет в основном оценку получившегося. Эмоционально-нравственная оценка индивидуальна. Индивидуальна на уровне отдельной личности, индивидуальна на уровне национальном. Но когда из 310 слов, начинающихся со слога “сам” в “Словаре русского языка XI—XVII вв.”, по моей оценке, 172 вызывают положительное к себе отношение, 46 — нейтрально служебны и только 27 несут в какой-то мере отрицательный заряд, то можно утверждать, что ничего изначально плохого в слове “сам” (“само”) нет!

Следовательно, объединяя исходно и заведомо доброкачественные понятия “держава” и “само” в единое слово “самодержавие” мы получаем образ точный, емкий, мощный, созидющий и добрый. А значит, возникает задача восстановить его исходное значение и восприятие. Сделать это может только русская интеллигенция и только на пути непредвзятого анализа истории России.

Роль интеллигенции в благоденствии народа и государства в России всегда была велика. Для того, чтобы она и впредь была таковой, люди, рассуждающие о смысле понятия “российская интеллигенция” или, что еще круче, причисляющие себя к таковой и рискующие говорить о том публично, должны прежде всего сделать упор на российскую составляющую этой идеограммы.

Вне российской государственности нет, да и не может быть по самой сути своей, российской интеллигенции. Вообще об интеллигенции можно говорить только в сопоставлении с той или иной государственностью, с той или иной властью. Чем авторитарнее власть, тем определеннее и яснее выражены интеллигенция и ее место в обществе, соответствующей властью охваченном. Строго говоря, интеллигенция существует тогда и в той мере, когда и в какой мере существует власть.

Вернемся к российской составляющей понятия “российская интеллигенция”. Российской она стала сравнительно недавно, условно скажем, не более ста лет назад. До этого она была русской. И как сообщество людей интеллектуального труда, несмотря на все разнообразие, иногда даже противоречия во взглядах по различным конкретным вопросам бытия, всегда характеризовалась высоким уровнем патриотизма.

Митрополит Илларион, летописцы Нестор и Никон, Антоний и Феодосий Печерские, неизвестный автор “Сказания о гибели Русской Земли” и многие другие неизвестные переписчики и составители летописных сводов — первые профессиональные гуманитарии русской культурной традиции строили идею русской национальной государственности вплоть до торжества оной в XV веке. Иван III Васильевич (Иван Великий) созданием “Судебника” 1497 году завершил конструирование основ администрации русского национального государства. Перед этим прозвучал призыв старца Филофея “Москва — Третий Рим”.

Шестнадцатый век, несмотря на все ужасы и преступления опричного периода Ивана Грозного и гоудуново-шуйского междоусобицы, укреплял Русь, хотя только отцы Стоглавого собора могут рассматриваться как интеллигенты, пытавшиеся гармонизировать властно-конфессиональные проблемы тогдашнего общества. Иван не внял Собору. Отсюда проистекают корни “смуты” начала XVII века.

Выход был найден на сочетании методов государственного строительства Романовыми с методами просветительско-образовательными. Окольничий Федор Ртищев, его ученое братство Андреевского и Донского монастырей, братья Лихуды и Симеон Полоцкий, то есть Славяно-греко-латинская академия — наряду с приглашением западных врачей и военных специалистов — заложили основы создания русской служилой интеллигенции.

А дальше начинается уже Петровское время, тема русского патриотизма в котором звучит мощно и определяюще уверенно.

Вся послепетровская история построения современной России свидетельствует о том, что дела российские шли хорошо тогда и только тогда, когда люди профессионального интеллектуального труда (воины, инженеры, врачи, священнослужители, учителя, администраторы) были воодушевляемы так или иначе понимаемой ими идеей русского патриотизма. Как только интеллигенция становилась апатриотичной, страна приходила к кризису, приходила на край гибели.

Долг интеллигенции — быть создателем, носителем и распространителем идей русского патриотизма во всем богатстве этого понятия.

Необходимым условием этого является правильное преподавание отечественной истории. Выскажу еретическую мысль: преподавать историю, на мой взгляд, необходимо в обратном порядке, идя от времен нынешних к временам прошедшим и наглядно поясняя, из чего что проистекало. Вот тогда и станет ясной мысль о благоденствии для России самодержавия.

Просвещенный монархизм, просвещенный национализм, просвещенное православие — вот триадный лозунг достижения благоденствия России и ее народов. А как хочется добавить к этому и доктрину просвещенного изоляционизма!